

ПОЛИФОРМА

Когда яйцеголовые доказали, что Земля все-таки плоская, я поехал к старику Луису и напил-ся в хлам. С того дня я часто приезжал к нему. Подумать только, кумир моего детства, великолепный Нил Армстронг, ради которого я поступил в его родной университет Пердью, тоже изучать авиастроение, этот Армстронг оказался последним брехуном!

– Луис, налей еще.

Никуда Армстронг не летал и не мог летать. Земля плоская, как блюдце, просто шитая хитрым пространственным переходом, делающим возможными кругосветные путешествия. Первым на это дело попался Магеллан. Луна – это фантомная проекция Земли в многогранной Вселенной. Вот ведь какая злая ирония – раньше, говоря о многогранной Вселенной, подразумевали ее бесконечное многообразие. И вот на тебе, ни черта она не такая. Она действительно как... как фигурка оригами невероятных размеров, с множеством складочек. Мы живем внутри этой фигурки. Лучи света, невесть кем запущенные, бегают, отражаются и преломляются в гранях – вот из чего мы веками выводили существование планет, звезд, других галактик, а потом темную энергию и темную материю. Эти две последние сущности, так необходимые яйцеголовым для объяснения устройства Вселенной, и должны были насторожить здраво-

мыслящих обывателей – но нет, понадобилась еще сотня лет, чтоб высокие умы докопались до сути. Я все думал об Армстронге, ну и немного о других астронавтах... Подумать только, беседы с ними на борту космических кораблей – это сплошное «Малпет-шоу»! Даже русских мне стало немного жаль – куда ж тогда летал их Юрий Гагарин? Хотя русские хитрые! Они, быть может, вообще живут в какой-то другой Вселенной, вставленной, так сказать, перпендикуляром в драматизм американских будней – и жизни моей Айовы, где живется... одним словом, так себе. Ну да ладно. Эх, Нил, обманщик ты и сукин сын!

– Луис, налей еще!

Маленький бар помешался на площади, окруженной небоскребами, как кубиками тетриса, только упавшими как попало, не вплотную, не как положено в игре... Денек стоял морозный, но солнечный. Теперь даже любительницы мексиканских сериалов знали, что Солнце – это всего лишь игра света на гранях пространства, гранях, похожих на пентамино, тетрамино и прочее полимино. Одним словом, сплошная херальность, как говорят яйцеголовые. Раньше Вселенная выглядела намного проще, но время шло, и ее особенности и истинный лик проявлялись все отчетливее.

Я размышлял о природе нарушения симметрии, когда небо внезапно потемнело. А потом сверху

рухнула огромная глыба, по форме напоминающая небоскреб и немного плиту, такую, из «Космической одиссеи». Удивительно легко рухнула – можно сказать, просто опустилась, без пыли и грохота. Сидящие вокруг меня посетители, похоже, не сразу поняли, в чем дело. Да и не удивительно – последние полгода всех жителей Земли лихорадило, этак в космологическом смысле. Плоская Земля ведь покруче, чем какое-нибудь электричество.

Мой философский ступор наконец прошел. Я выскочил из-за барной стойки, уронив рюмку.

– Бегите! – закричал я, сам толком не понимая, куда нужно бежать.

С неба опустилась вторая глыба.

На улице, прихрамывая и с трудом продираясь сквозь толпу, я поковылял к своей машине. Какой-то черный разнес битой боковое стекло, открыл дверцу и уже лез, падла, внутрь. Повсюду были автомобильные сигнализации – видимо, там тоже лезли. Я вообще-то не против черных, тоже ведь люди, но тут я дал ему по морде, да. Пронзительно нажимая на гудок, я сумел свернуть с центральной улицы и, будучи пьян, неуверенно поехал в сторону окраины, снося мусорные баки и рождественских пластиковых оленят. Ехал я в свою крохотную двухкомнатную квартиру в старой сорокаэтажке.

Вылезая из машины, я обернулся на центр города – бесцветных параллелепипедов, довольно узких, но высоченных, раза в три-четыре выше самых высоких небоскребов, стояло уже четыре штуки. Просто мечта Уэллса – только трех ног не хватает. Странно было и то, что падали они аккуратно между небоскребами. Похоже, я не один это отметил – город и пригород как вымерли, все попрятались по домам. Опять, что ли, яйцеголовые эксперименты ставят? Лучше бы инопланетян отпустили из Зоны-51. Хотя да, какие ж теперь инопланетяне... Все тарелки – это тени и световые зайчики. Вот прав все-таки оказался Платон со своей пещерой. Как мы в пещере сидели, так в ней и остались – и ничего, кроме теней, не знаем. Что там, за далекими гранями, этими складками пространства – яйцеголовые без понятия. И свет откуда взялся – тоже. А еще прав был Птолемей, который движения планет объяснял хитрожопыми составными циклами. Их потом отменили, циклы эти, из-за громоздкости. Но на самом-то деле Птолемей оказался ближе к истине, чем Ньютон. Хотя громче всех грохнулся, конечно, Эйнштейн.

Что-то меня на великих потянуло – а все потому, что Пердью-то я бросил и перешел на философский. Так уж вышло, родители мои на самолете разбились, вот я и решил поразмышлять об этом на философском факультете Гарварда. Меня туда взяли, да. Во-первых, потому что я сирота. Во-вторых, потому что китаец, ну и, наконец, наличие протеза одной ноги тоже сыграло свою роль. Никакими другими патологиями я не страдал, поэтому взяли меня не на самый престижный факультет.

Однако надо понять, что происходит!

Как только я запер за собой дверь квартирки, автоматически включился телевизор.

– ...В городе насчитывается уже двадцать один куб, – вещала взволнованная дикторша, – и они продолжают прибывать сверху, по счастью, не разрушая городских построек.

Правильно, девочка, слово «параллелепипед», да к тому же еще и «прямоугольный», – это слишком сложно, особенно если волнуешься. Поэтому пусть будут кубы.

– ...Состав кубов исследуется. Пока известно только то, что они чрезвычайно легкие и прочные. Из-за гигантских размеров сдвинуть их не удастся. Из-за прочности их не удастся распилить. Всем жителям рекомендуется не покидать свои дома.

Хорошо, что продукты синтетические, а то представляю, какие бы орды штурмовали продуктовые лавки... или как там назывались раньше места, где продают еду. Одними черными с битами дело бы не ограничилось.

Кстати, о еде. Я открыл дверцу продшкафа, вынул из герметичной упаковки пару желтых капсул и бросил на тарелку. От воздуха они зашипели, развернулись и превратились в омлет. В чашку я бросил кофейную капсулу и пообедал. Через полчаса в продшкафу сгенерируются новые капсулы.

Новости включали каждые пятнадцать минут, а в перерывах показывали старое кино про вторжение инопланетян. Не самый удачный выбор, мне кажется. Кубов становилось все больше, но их геометрия менялась, хотя в сообщениях они продолжали именоваться кубами.

Часть из них уменьшилась в размерах, и они методично заполняли зазоры между небоскребами и кубами побольше. Последние тоже падали – только теперь уже сверху, вторым слоем.

– ...Задействована авиация! Жителей по-прежнему просят не покидать дома до разрядки обстановки.

Первым, правда, разрядился аккумулятор моего мобильного телефона. Работали только телевизор, продшкаф и одна лампа на кухне – потому что их питали подземные генераторы... или как они там называются, расположенные глубоко под поверхностью Земли.

Яйцеголовые, разумеется, знали, в чем причина этого странного явления. У них был ответ. Даже два. К несчастью, почти противоположные.

Представители гарвардской школы считали, что падающие кубы – это следствие перестройки пространства, которое в ускоренном темпе меняет геометрию с евклидовой на многогранную, и сейчас идет сброс «лишних элементов». Представители оксфордско-кембриджской школы полагали, что всему виной неустойчивые процессы, и происходит своего рода «выравнивание» Земли, что более энергетически выгодно для всей Вселенной в целом.

Как бы то ни было, кубы падали и падали, и за окнами становилось все темнее. Какой-то шорох из спальни привлек мое внимание. Я взял фонарик, потому что свет был только на кухне, и пошел в спальню. Через открытое окно сыпались кубики, небольшие, величиной с рюмочки. Но сыпались, видимо, уже довольно давно, потому что ими был аккуратно заставлен весь пол, кровать, письменный стол и книжный шкаф. С трудом, стараясь не оступиться, я добрался до окна и закрыл его.

Ну все, теперь не пролезут.

Я вернулся на кухню, съел кусок шоколадного торта из продшкафа и уснул тут же, на диванчике, под звуки голоса красивой девушки из телевизионных новостей.

Проснулся я весь в мелком песке. Рванулся – песок держал крепко. А вот если медленно поднимать руки и вставать, то песок легко отпускал. Весь пол до самого диванчика был засыпан песком. Телевизор не работал. Нет, он работал, экран светился, но показывал такой же песок, как у меня на полу.

Набрав в ладонь горсть песчинок, я убедился, что это тоже кубики, просто очень маленькие. Если выбирать из их горок плавными движениями, как из ньютоновской жидкости, то вполне можно передвигаться по кухне, более крупные кубики в квартиру не пролезали – окно-то я закрыл. Это меня приободрило, и я стал относиться к кубикам более снисходительно. Они фрактальные, вот какие! Где-то с полчаса я очень гордился этим метким названием. Мелкие кубики

прибывали все медленнее, но у меня стали слезиться глаза, свербеть в носу и горле – похоже, моя фрактальная теория блестяще подтверждалась. Телевизор больше не работал, даже песок не показывал. Работали лампочка и продшкаф. Есть я не хотел, меня мутило. И одновременно тянуло в сон. Я задремал. Мне снилось, что я тону в зыбучих песках в пустыне – и был очень этому рад, потому что во сне видел над головой синее небо. Когда я проснулся, прямо перед моим лицом оказалась лампочка. Нет, она не упала, это песок каким-то образом поднял меня к ней, пока я спал. Продшкаф остался где-то внизу, и я пожалел, что не взял себе еще торта, про запас. Лампочка работала, но она была мне не нужна, потому что я, кажется, ослеп.

Я выудил из кармана рубашки смятую фотографию Нила Армстронга и сидел тихо-тихо, упираясь головой в потолок и боясь дышать – потому что дышать было больно, – и время от времени трясся от приступов клаустрофобии. Я, может, самолеты бросил проектировать как раз потому, что боялся замкнутых пространств. Вот, думал, сделаю, а как люди там летать будут, тесно же, тесно, господи... Я думал о других самолетах, больших и красивых, которые прилетят и спасут всех. Хотя если их делали такие же раздолбай, как я, то никто никуда не прилетит.

– Сукин ты сын, – плакал я, задыхаясь от боли и почти теряя сознание от мельчайших песчинок-кубиков, заполняющих мои внутренности. – Вот если бы ты нашел Луну, хоть какую-нибудь, нам было бы куда сбежать. Сукин ты сын!

